

ОБЛАКО, ГРОМЪ и РАДУГА.

О Б Л А К О.

Изъ тонкой влаги и паровъ
Ишедъ невидимо, сгущенно
По малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высоты холмовъ,
Опливомъ свѣта освѣпяся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордится облако собой
И блещетъ солнца красотой.

Или прозрачноспью сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, злапомъ изпещряясь,
И багряницею спелясь,
Струясь, собираясь въ сизы шучи
И вдругъ схомяся въ холмъ пловучій,
Застѣниваетъ солнца зракъ. —
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣшодарность
Сокрывъ опъ всѣхъ, наводитъ мракъ.

Или не долго временщикъ
 На свѣшлой высотѣ бываетъ;
 Но вздувшись пукомъ, исчезаетъ
 Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ. —
 Подъ лучезнойной пягошою
 Разорванъ молніи стрѣлою,
 Обрушась, каплями падетъ, —
 И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хопяжъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ,
 Во мглахъ, шуманахъ возродился
 И къ выспренносшамъ вновь спремился;
 Но рѣдко достигаетъ ихъ.
 Давленьемъ воздуха гнепомый,
 И влагой внизъ своей влекомый,
 На блапы, шундры опускась,
 Ложится въ нихъ, — и зришь грязь.

Не видимъ ли вельможъ, Царей,
 Живаго здѣсь изображенья?
 Одни — изъ праха, изъ презрѣнья,
 Какъ низкихъ возводя людей
 На степені первѣйшихъ сановъ,
 Творятъ Боговъ въ нихъ испукановъ,
 Имъ ввѣря власть и скипетръ свой,
 Не видя, ихъ что ослѣпляютъ,
 Любезной доброты лишаютъ,
 Темня своею черношой.

Другіе, — щасья бывъ рабы,
Его рукою вознесенны,
Сіянемъ ложнымъ украшенны,
Спраспей не выдержавъ борьбы
И доблестей пущь презря, правды,
Превъсясь зломъ, какъ водопады,
Падупъ спремглавъ на низъ во мглахъ:
Бывъ идолы — бывають прахъ.

Но добродѣтель красою
Своею собсвенной сіяетъ.
Пускай нещасье помрачаетъ,
Свѣпла она сама собой.
Какъ Аяпонины на престолахъ,
Какъ Эпикшипы и въ неволѣ
Почтенны супъ красой ихъ душъ.
Пускай чей злобой блескъ запылился;
Но днесъ, иль завтре прояснитъ
Безсмертной правды солнца лучъ.

О вы! имѣюци Боговъ
Въ рукахъ всю влась и всю возмощность,
Въ себѣ же смершнаго ничпощность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! — ошъ васъ вашъ пронъ зависитъ
Унизитъ зломъ, добромъ возвыситъ:
Имѣйте вокругъ себя людей,
Незлюбемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойпесь щасья возведенцевъ, —
Ползущихъ, песпрыхъ вокругъ васъ змѣй.

И вы, наперстники Царей,
Друзья! цвѣтущи ихъ красою,
Ихъ пишуши, жизнь, смерть, рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей,
Познайте: — съ вашимъ всѣмъ приборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Которой блещетъ опъ зари;
А сами по себѣ — пары.

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачной клеветою,
Зри мудрой, твердою душою,
Подобенъ міръ сей колесу:
Се спица внизъ и вверхъ вращится;
Се капля мглой, иль тучей зрится.
Такъ чшо жь снѣдаешься тоской?
Въ кругу твореній обращаясь,
Той внизъ, а шою вверхъ вздымаясь, —
Умѣй и въ прахъ бышь злапой.

Г Р О М Ъ.

Въ тяжелой колесницѣ грома
 Гроза на шмѣ воздушныхъ крылъ,
 Какъ страшная гора несомая,
 Мнетъ воздухъ подъ собой, — и пыль
 И понтъ кипящъ, лепящъ волнами,
 Древа вверхъ вержущая корнями,
 Ревущъ берега и воещъ лѣсъ.
 Средь пучныхъ пучъ, разданныхъ съ прескомъ,
 Въ шмѣ, молнии, багрянымъ блескомъ,
 Черпящъ гремящихъ слѣдъ колесъ.

И се, какъ ночь осенняя, темна, —
 Нахмурясь надо мной челомъ,
 Хлябъ пламенемъ разсѣлась черна;
 Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ,
 И своды потряслися звѣзды,
 Спохватно огласились бездны,
 Гулъ возшумѣлъ и дождь и градъ;
 Просперся синій дымъ полешомъ,
 Дубъ вспыхнулъ; — холмъ спалъ водометомъ.
 И капли радугой блестящъ.

Упихло дуновенье бурно,
 Чуть слышенъ шумъ и сѣрный смрадъ;
 Пространство воздуха лазурно:
 И чела въ златѣ горъ горящъ. —

Природѣ ужѣ не страшны грозы:
 Дыхающѣ ароматомѣ розы,
 Пернатыхѣ раздаются хорѣ:
 Зефиры легки, насѣкомы,
 Цѣлуютѣ злаковѣ зыбки холмы
 И пупникѣ ослабляютѣ взорѣ.

Кто сей, который шучи гонитѣ
 По небу, какѣ спада оводовѣ
 И перстомѣ быстры рѣки водитѣ
 Между гористыхѣ береговѣ?
 Кто море очершилѣ въ предѣлы?
 На шумны, яры волны, — бѣлы
 Незримы наложилѣ бразды?
 Чѣмѣ маньемѣ вѣпрѣ подѣемлетѣ крыла,
 Стихивѣ засыпаютѣ сила,
 Блескѣ въ хаосѣ возникѣ звѣзды?

И въ мигѣ единый, миліоны
 Кто дланію возжегѣ планетѣ?
 О Боже! се Твои законы;
 Твой взорѣ міры творитѣ, блюдетѣ.
 Какѣ спалью камень сыплетѣ искры,
 Такѣ опѣ швоей струятся мишры
 Въ мракѣ солнца средѣ безмѣрныхѣ мѣстѣ.
 Ты дхнешѣ: — какѣ прахѣ вновь сферы вспанутѣ;
 Ты прервешѣ духѣ: — какѣ знакѣ увянутѣ;
 Твои слѣды суть бездны звѣздѣ.

О вы безбожники! не чпущи
 Всевышней власти надъ собой,
 Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
 Что случай все шворитъ слѣпой;
 Что умъ лиши вашъ есть Царь вселенной;
 Взгляните въ буйности надменной
 На сей ревуцій страшный мракъ,
 На тѣ огнемъ блестящи рѣки,
 И вѣрьте, дерзки человекъ,
 Что все величье ваше — прахъ.

Но естли вы и впрямъ всемоцны,
 Почтожь вамъ грома прешепать?
 Нѣтъ! — Гордоси пупи порочны
 Богъ правды долженъ наказать!
 Гдѣ ваша мощь погда, коваршвы,
 Вновь созданны Цари и Царшвы,
 Какъ рокъ на васъ свой склонитъ перстъ?
 Огонь и воды сѣдиняшся,
 Земля и небо ополчатся,
 И мечъ, и лукъ сопрешся въ перстъ.

Но пошъ, кто почитаетъ Бога,
 Надежду н него кладетъ:
 Сей не боится время спрога,
 Какъ холмъ средъ волнъ не упадетъ.
 Пустъ зельна буря успремится,
 Душой всѣхъ превзойши онъ шщится,

Безстрашенъ, мужественъ средъ бѣдъ;
И подъ всеильнымъ даже гнѣвомъ,
Подъ зыблющимъ, падающимъ небомъ,
Благослова Творца, — уснешь.

Труба величья, силъ верховныхъ,
Випія Бога и посолъ,
О громъ! — гроза духовъ тѣхъ гордыхъ,
Кѣмъ колебался звѣздъ престолъ, —
Земли ты чрево разтворяешь
И плодородьемъ мѣрѣ вѣнчаешь;
Но швой же можешь бросить шуль
И жупловѣ тьмы на князя ада; —
Вспань — грянь! — и въ слѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочетъ гуль.

Р А Д У Г А.

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
И на темномъ облакъ тамъ
Виждь, какая изъ лентъ полоса,
Огненна шкань блещетъ очамъ,
Надъ швоей склонясь головою
Дугою!

Пурпуръ, лазурь, золото, багрянецъ,
Съ зеленью шънь слясь съ серебромъ,
Опливнй, чудеснй, блещущй глянецъ
Любезнымъ и шихимъ лучомъ
Зеницъ ко ушъхамъ ссылаютъ,
Плбняютъ!

Гдъ шъ велелшпи смертныхъ,
Камней драгихъ сянье, порфиръ,
И прелести красокъ несмштныхъ,
Искусшвы гордятся чъмъ, — мрмъ,
И могутъ монархи хвалишся,
Свшпишся?

Возьми, живописецъ, орудье,
Кисти швои, — и дерзкой рукой
Изъ разныхъ цвштовъ полукружье
Въ мигъ здблай единой чершой; —
Здблай, — и сзови зршшь Аѳины
Каршины.

Нѣтъ, Исографъ! ты превосходишь
 Всѣхъ дивнымъ искусствомъ твоимъ;
 Но вижу, что средствъ не находишь
 Съ художникомъ спорить такимъ,
 Взглядъ единъ чей все образуетъ, —
 Рисуетъ.

Такъ солнце своими лучами,
 Отъ капель дождя опразясь,
 Едино возможетъ цвѣтами
 На мракахъ писаться, свѣпясь.
 Смѣй подражать въ искусствѣ ему,
 Лей свѣтъ въ тьму.

Нѣтъ! — зри, какъ оно отвращаетъ
 Лишь съ облака свѣплый свой взоръ:
 Картина цвѣшовъ исчезаетъ,
 Красотъ всѣхъ темнѣетъ соборъ.
 Ахъ! тщетнаго бѣги ты пруда,
 И спыда.

Кто можетъ въ сіяньи небесномъ
 Свѣшину равняться тому,
 Что въ сердцѣ споль мрачномъ, тѣлесномъ
 Въ моемъ освѣщая такъ тьму,
 Творишь его радугой міра?
 Пой, лира?

Пой Бога; — и смѣлымъ парнемъ
 Чистаго сердца вноси
 Духъ мой упреннимъ пѣнемъ
 Къ Нему, чтобы Онъ съ небеси
 Проліялъ моихъ чувствъ въ глубину
 Тишину;

И свѣшная бѣ радуга мира,
 Возставъ надъ Европою всей,
 Залогомъ спокойствія, міра,
 Была всѣхъ народовъ, Царей.
 Онъ взглядомъ однимъ ихъ мракъ просвѣпипъ,
 Помиривъ.

Державинъ.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго цензурнаго
 Комитета.

Печатано въ Типографіи у Ф. Дрекслера.

1806.

Въ пользу вдовствующей Подполковницы Марьи Васильевны
 Фабриціусъ.